
Контркультурные организации и их признаки

Контркультурные организации (криминальные, тоталитарные — политические и квазикультурные) — объединения людей, совместно реализующих интересы, программы, цели, социально-культурные установки, противостоящие фундаментальным принципам, ценностям и правилам общества.

Контркультурные организации появились довольно давно.

Так, в России первое упоминание о воровских ватагах как о коллективах, занимающихся преступным ремеслом, относится к XVII веку. В то время они существовали обособленно друг от друга. Связь стала более крепкой в XVIII веке, когда каждому вору вменялось в обязанность делать взносы на общие нужды. Так появился прототип общака. Одновременно с этим начинает формироваться субкультура: разрабатывается «феня», то есть жаргон, и вводятся «погонялы», то есть прозвища.

Во второй половине XX века значительно выросли многообразие и количество контркультурных организаций. В современном российском обществе существует множество квазикультурных сект («Церковь сайентологии», «Церковь последнего завета» и др. — всего, по разным данным, от 300 до 500 сект, в которые вовлечено до 1 миллиона преимущественно (до 70%) молодых людей от 18 до 27 лет.

Контркультурные организации обладают признаками, общими для любой организации. Однако ценностно-содержательные характеристики этих признаков, во-первых, существенно отличаются от свойственных просоциальным организациям и асоциальным группам, а во-вторых, специфичны в различных типах контркультурных организаций. Любая контркультурная организация образуется на основе определённого принципа обособления (преступная деятельность, политический экстремизм, поклонение идолу и т.д.). Принцип обособления — основа возникновения солидарности, чувства «мы». Он позволяет рассматривать людей, не входящих в организацию, как «чужих», как «они».

Контркультурные организации как фактор десоциализации

Контркультурная организация обладает жёстко фиксированным членством и жёсткой иерархической структурой руководства — подчинения. Обычно во главе организации стоит харизматический лидер, то есть человек, отличающийся притягательной силой для членов организации и обладающий вследствие этого непревзойдённым авторитетом.

Сложившиеся в контркультурной организации иерархические группы (страты) фиксируются с помощью различных стратификационно-маркирующих элементов: специальных наименований каждой страты, привилегиями в чём-либо или ограничениями и запретами на что-либо, элементами внешнего оформления — одеждой, причёсками, макияжем, татуировками и пр.

Как правило, подобные организации имеют определённую атрибутику: от кличек и татуировок до формы и знамен, а также нередко они обладают каким-либо имуществом (у некоторых оно может быть довольно значительным).

Контркультурные организации имеют определённые центры объединения. Обычно это помещения (в которых собираются их члены) как принадлежащие организации, так и «оккупированные» ими (кафе, клубы, спортивные залы и пр., которые стали местами их постоянных встреч).

В большинстве контркультурных организаций складывается закрытая от посторонних система коммуникаций. Её закрытость обеспечивает созданный в них жаргон, который может иметь характер криптолалии (тайноговорения). Она обеспечивает прохождение информации, необходимой для реализации целей организации и её жизнедеятельности в целом.

Десоциализирующий характер контркультурных организаций

Десоциализация в данном случае понимается как *негативная социализация членов контркультурных организаций* (лат. *de* —

приставка, обозначающая: 1) отделение, удаление — в нашем случае от общества; 2) движение вниз, снижение, например, деградация, в нашем случае снижение способности к жизни в обществе).

Десоциализация членов контркультурных организаций основывается на том, что человек в них воспринимается не как личность (самосознательный ответственный субъект), а как индивид (то есть как представитель биологического рода или социальной группы), как объект воздействия лидеров. Поэтому взаимодействие членов организации с лидерами имеет безличностный, сугубо инструментально-деятельностный характер (например, в ходе криминальных или экстремистских действий — в политических тоталитарных организациях).

Жизнедеятельность контркультурной организации и каждого её члена определяется и регулируется соответствующими её характеру (криминальному, экстремистскому, квазикультовому) нормами, упорядочивающими отношения внутри группы и поведение по отношению к «они» (правила поведения по отношению к членам организации не распространяются на людей, к ней не принадлежащих); образцами взаимодействия и поведения; системой социального контроля — клятвами и проклятиями и т.п.; способами стимулирования — вознаграждения, принуждения и наказания.

В зависимости от характера организации её субкультура включает в себя специфические элементы. Одним из них может быть отношение членов организации к своему здоровью: от строгого режима жизни и питания, занятий спортом («накачка мышц» и пр.) до самоистощения вплоть до саморазрушения (минимум сна, минимум пищи и пр.). Во многих организациях наркотики и алкоголь используются как средства подавления и сплочения их членов, а в других — существует полный запрет на их употребление. (Так, известны случаи, когда молодые люди добровольно лечились от наркозависимости для того, чтобы выполнить усло-

вие возвращения их в преступную группу — В.А. Луков.)

Одним из значимых элементов субкультуры контркультурной организации может быть поощряемый характер поведения в сексуальной сфере. Если в одних организациях культивируются сексуально-эротические ценности, порнография, промискуитет (беспорядочные половые связи), то в некоторых — пропагандируются и реализуются аскетизм, ограничения и запреты в сфере сексуальных отношений.

В некоторых организациях существует особое отношение к семье — ограничение и даже запрет на родственные контакты, отказ от семьи и имущества в пользу организации.

В последние десятилетия десоциализирующее влияние контркультурных организаций растёт, что проявляется в ряде тенденций.

Во-первых, растёт интерес в различных возрастных и социокультурных слоях общества ко всем типам контркультурных организаций: и к квазикультовым (вплоть до сатанистских), и к криминальным, и к экстремистским — политическим, религиозным, террористическим. Так, 24,1% опрошенных В.С. Собкиным и М.В. Вагановой московских школьников общались с людьми, состоящими в экстремистских организациях.

Во-вторых, увеличивается диапазон приемлемости по отношению к идеологии и практике контркультурных организаций у довольно больших групп населения. Это проявляется и в росте ксенофобии (в данном случае — ненависти к инородцам), и в культурной и религиозной нетерпимости, и в других тенденциях. Опрос радиостанции «Эхо Москвы» в ноябре 2003 года выявил, например, что 31% из 3 тысяч позвонивших считают скинхедов патриотами. Альтернативный вариант ответа «Скинхеды — нацисты» выбрали 69% позвонивших в студию.

В-третьих, наблюдаются количественный рост контркультурных организаций всех

типов и увеличение как числа действующих членов организаций, так и потенциальной базы их роста. Так, 38% опрошенных молодых людей в Свердловской области допускали для себя возможность совершить правонарушение, 32% затруднились с ответом (В.Г. Попов).

По данным ВЦИОМ (2002 год), каждый пятый совершеннолетний житель Воронежа был готов отдать свой голос на думских выборах за русских нацистов (которые отсутствовали в опросном листе и респонденты дописали название их организации сами).

В-четвёртых, наблюдаются идеологическое схождение, а также практическое сопряжение и сращивание контркультурных организаций всех типов с определёнными сегментами экономических, идеологических, политических и властных структур общества. Этому способствуют ряд объективных социокультурных обстоятельств, активная работа в этом направлении контркультурных организаций и адекватность их ценностей взглядам и убеждениям ряда представителей перечисленных выше структур.

В-пятых, происходит экспансия контркультурных организаций в сферу социального воспитания через завуалированное, а также и прямое их проникновение в некоторые воспитательные организации. Так, квазикультовые организации (преимущественно сайентологи и мунниты) получали доступ в школы, колледжи, вузы и внешкольные учреждения. Криминализованы многие молодёжные сообщества, сформировавшиеся вокруг спортивных комплексов, тренажёрных залов, секций восточных единоборств, кикбоксинга и др. Они нередко имеют легальный статус. Все эти тенденции существенны для распространения десоциализирующего влияния контркультурных организаций как на своих членов, так и на потенциальных участников.

Десоциализация в контркультурных организациях определяется рядом особенностей их структуры и жизнедеятельности.

Для контркультурных организаций характерна высокая степень интеграции их членов, что выражается в высокой степени усвоения ими целей, норм и субкультуры организации.

В подобных организациях практически невозможно обособление человека («У меня нет своего ума, совести, тела», — должен твердить новичок в одной из сект). Автономия в рамках контркультурной организации либо невозможна, либо минимальна, либо иллюзорна, ибо у человека отсутствует диапазон свободы в выборе конкретных форм поведения, норм и ценностей, либо этот диапазон минимален, а чаще просто иллюзорен.

В контркультурных организациях происходит адаптация их членов к контркультурным ценностям и установкам и девиантное обособление по отношению к обществу, то есть они оказывают десоциализирующее влияние на своих членов. Этому способствует и диссоциальное воспитание, которое осуществляется в контркультурных организациях.

Диссоциальное воспитание

Диссоциальное воспитание (лат. *dis* — приставка, сообщающая понятию противоположный смысл) — *целенаправленное формирование антисоциального сознания и поведения у членов контркультурных* (криминальных и тоталитарных — политических и квазикультурных) *организаций* (сообществ).

Реплика в сторону: *Когда в середине 1990-х годов как-то довольно неожиданно я осознал, что в реальности существует бандитское воспитание, фашистское воспитание и другие, которые никогда никем не назывались «воспитание», то первоначально они «обозначились» как антисоциальное воспитание. Но очень скоро стало ясно, что термин «смазывает» интересующее меня явление. Дело в том, что все педагоги и сознательно, и неосознанно хотят воспитать хороших людей, но это у них да-*

леко не всегда получается. По разным объективным и субъективным обстоятельствам в различных воспитательных организациях «получаются» и трудные, и правонарушители и т.п. То есть цели у педагогов вполне просоциальные, а результаты могут быть и нередко бывают антисоциальными — результат вопреки цели.

В контркультурных организациях осознанно воспитывают антисоциальных субъектов. Для того, чтобы обозначить это отличие контркультурных организаций от воспитательных, я и ввёл термин био-социальное воспитание.

Осуществляют диссоциальное воспитание руководители контркультурных организаций (их могут называть по-разному — вождь, учитель, лидер, шеф и пр.) и проверенные члены организации, входящие в её ядро. Независимо от характера организации всех их можно назвать воспитателями — компрачкосами (этим словом в средневековой Европе называли тех, кто покупал или похищал детей и уродовал их для продажи в качестве шутов, попрошаек и пр.).

Как и любой вид воспитания, диссоциальное воспитание имеет специфические задачи, цели, содержание и средства.

Задача диссоциального воспитания — привлечение и подготовка кадров, необходимых для функционирования криминальных и тоталитарных групп и организаций.

Так, в ряде криминальных организаций вербовку новых членов осуществляют таким образом: присматриваются к потенциальным кандидатам, потом предлагают вступить в состав группы, затем ему или собранной группе новичков устраивают проверку (бой с такими же новичками команды-соперника), по результатам боя отбирают подходящих молодых людей.

Вовлечение в некоторые квазисекты осуществляется с помощью так называемого семантического драйвера, когда доведённому до определённого состояния кандидату («доведение до края») предлагается

элементарно сформулированный простой выход из «ситуации края» — семантический ключ («отдай деньги в секту», «молись на меня» и др.), а выбор подобного варианта выхода из ситуации подкрепляется различного рода поощрениями (от приближения к главарю секты до обещания «райского блаженства» и пр.).

Цели диссоциального воспитания зависят от характера тех групп и организаций, в которых оно реализуется. Но в любой из них воспитание имеет целью добиться абсолютного подчинения членов организации лидеру, усвоения ими соответствующих норм и ценностей и некритической реализации этих норм и ценностей в повседневной жизни.

Вот любопытное свидетельство члена весьма организованной полукриминальной группы: «Молодняк у нас называют "шелуха". Есть специальный пацан, который с ними занимается, объясняет, как нужно себя вести, как ходить, как одеваться» (информант Д.В. Громова из Казани).

Диссоциальное воспитание осуществляется с помощью *определённого набора средств*, важнейшими из которых можно считать следующие:

- основной род занятий группы или организации (криминальный, квазикультурный, экстремистский);
- авторитарный (самовластный) стиль руководства, предполагающий единоличное управление лидером жизнедеятельностью группы или организации, беспрекословное подчинение рядовых членов лидеру, жёсткий контроль за жизнью и поведением каждого, использование широкого набора негативных санкций (включая физическое насилие, а в криминальных и некоторых тоталитарных группах — физическое уничтожение) по отношению к нарушителям норм и приказов. Реализация авторитарного стиля руководства ведёт к тому, что первоначально складывающиеся отношения «лидер — ведомый», «учитель — ученик» превраща-

ются в отношения «господин — раб», то есть к полному подавлению членов группы или организации;

- характер основного рода занятий, ценности и нормы, внедряемые в группе или организации, формируют специфическую для неё субкультуру (жаргон, способы свободного времяпрепровождения, эстетические пристрастия — одежда, причёска, тату, пирсинг и др., нормы и стиль взаимоотношений внутри группы и взаимодействия вне группы, фольклор), которая становится эффективным средством диссоциального воспитания.

Процесс диссоциального воспитания, если суммировать данные различных исследователей криминальных и иных контркультурных организаций, в общем виде включает в себя **ряд этапов**.

Первый этап — возникновение у человека образа организации, привлекательного для него в силу половозрастных, социально-культурных или индивидуальных особенностей, желания войти в неё и получить в ней признание.

Например, криминальная или экстремистская деятельность привлекают подростков, юношей и часть девушек в силу их возрастных особенностей своей необычностью, возможностью компенсировать ущербность, самоутвердиться.

Квазикультурные организации привлекают, как правило, людей неустроенных, одиноких, потерявших или ищущих смысл жизни и т.д.

Значительно сложнее с теми, кто идёт в экстремистские политические организации, их члены — коктейль носителей мифологем массового сознания, неудовлетворённости жизнью, непомерных амбиций и многого другого.

Второй этап — включение человека в жизнедеятельность организации, узнавание и освоение им её норм, ценностей, стиля взаимоотношений. На этом этапе нередко

происходит систематическое обучение новичков.

В квазисектах, например, к ним нередко прикрепляют кураторов, которые, проводя с ними очень много времени, внушают требуемые правила поведения (иногда это кураторство называют «бутерброд», то есть новичка как колбасу «обнимают» два куска хлеба — кураторы).

В политических экстремистских организациях с новичками проводят циклы лекционных и семинарских занятий, дают для изучения специальную литературу, а во многих проводят и практические занятия по физподготовке, восточным единоборствам, вплоть до владения холодным и огнестрельным оружием.

Криминальные группы также уделяют большое внимание новичкам. Традиции здесь давние. О школах воришек в Лондоне XIX века писал Чарльз Диккенс, а в России — Максим Горький. В Новочеркасске в 60-е годы XX века старые воры учили своему ремеслу детей (совсем как у Диккенса, которого скорее всего не знали): вешали пиджак или брюки с колокольчиками и надо было достать из кармана монетку (10 копеек) так, чтобы ни один колокольчик не звякнул. В новейшее время диссоциальное воспитание, осуществляемое криминальными сообществами, приобрело особый размах. По данным В.А. Лукова, уже в 2001 году в разных регионах России действовали десятки бесплатных палаточ-

ных лагерей для подростков (в основном туда попадали те, кто уже имел условные сроки, состоял на милицейском учёте и пр.). В них воспитатели с солидным уголовным опытом учили ребят, как общаться с милицией, как вести себя в тюрьме, чтобы понравиться сокамерникам. Обучение не ограничивалось лекциями и семинарами, а велось с использованием рукописных учебников — так называемых «прогонов». К 2009 году количество таких лагерей увеличилось, и они стали больше конспирироваться.

Третий этап — удовлетворение определённых потребностей человека в антисоциальных формах, трансформация ряда потребностей и интересов в антисоциальные.

Например, установка на криминальные действия первоначально складывается под влиянием потребности в престиже, признании, самоутверждении. При неоднократных совершении подобных действий эта установка закрепляется, приводит к изменению мотивации, формированию самостоятельной потребности в криминальных формах поведения.

Четвёртый этап — закрепление антисоциальных действий до уровня неконтролируемых сознанием автоматизмов, что свидетельствует о возникновении фиксированных антисоциальных установок, которые и определяют поведение членов контркультурных организаций.

2011